

73.
ДВА ПУТИ.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ.

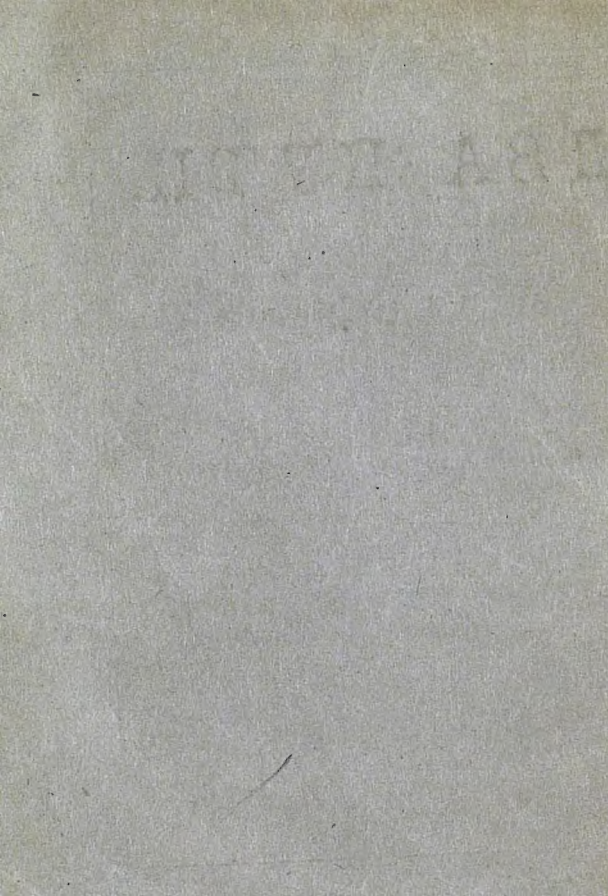
А. ПАЗУХИНА.

(Изданіе газеты „Вѣстникъ“)

МОСКВА.

Типографія В. А. Просина, Тверская, д. Саввинскаго подворья.

1887.

ДВА ПУТИ.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ,

А. ПАЗУХИНА.

(Изданіе газеты „Вѣстникъ“).

52

Дозволено цензурою. Москва, 25-го Ноября 1887 г.

ДВА ПУТИ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

А. Пазухина.

дѣйствующія лица:

Вѣра Николаевна Харзевина, молодая дѣвушка, дочь довольно зажиточнаго помѣщика.

Петръ Ивановичъ Коробовъ, помѣщикъ, молодой человѣкъ.

Катерина Николаевна Ганъ, вдова, лѣтъ двадцати пяти, богатая помѣщица, сосѣдка Харзевиныхъ.

Валерьянъ Григорьевичъ Яловицкій, баринъ среднихъ лѣтъ, числится гдѣ-то на службѣ, родственникъ Ганъ, тоже сосѣдь Харзевиныхъ.

Земскій докторъ.

Мсьё Шнуровскій } свѣтскіе пріатели Яло-
Мсьё Блесткинъ } вицкаго.

Ольга Петровна, молодая дѣвушка, сирота.

Сидоръ, слуга Харзевиныхъ.

Маша, горничная въ домѣ Коробова.

1-е дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Харзевиныхъ; 2-е—въ деревенскомъ домѣ Коробова, 3-е—у Коробова въ городской квартирѣ; 4—въ подгородномъ лѣсу. Между 1 и 2 дѣйствіемъ проходитъ около года, между 2 и 3—два года, между 3 и 4—нѣсколько дней.

Дѣйствіе 1.

Садъ передъ домомъ Харзевина. Въ глубинѣ терраса, обставленная цвѣтами и окруженная кустарникомъ. Направо отъ зрителей, на авансценѣ, садовый диванчикъ съ трельяжемъ, нальво—столикъ и кругомъ него нѣсколько стульевъ. По срединѣ сада клумба съ цвѣтами; въ глубинѣ, лѣвѣе террасы, калитка во дворъ. По обѣ стороны виднѣются аллеи.

Явленіе 1.

(Сидоръ поливаетъ цвѣты, съ террасы входитъ Коробовъ).

Коробовъ. Здравствуй, Сидоръ!

Сидоръ. Ахъ, Петръ Ивановичъ, батюшка!..
Здравствуйте, сударь... Что это, батюшка,
у насъ давно не изволили быть?

Коробовъ. Все некогда, Сидоръ, дѣла много. Ваши дома? Въ комнатахъ я никого не нашелъ.

Сидоръ. Баринъ все по хозяйству-съ: ти-рольская коровка сегодня отелилась, такъ на скотномъ дворѣ они-съ, — налюбоваться на телку не могутъ; а барышня, на жару не взираючи, съ Валерьяномъ Григорьевичемъ да съ Ганшей кататься уѣхали. Валерьянъ-то Григорьевичъ барышнѣ лошадь подарили...

Коробовъ. Подарилъ?

Сидоръ. Да-съ. Отличная лошадь... Вѣра Николаевна не хотѣли было брать: что, говорятъ, за подарки! Такъ Валерьянъ Григорьевичъ съ нихъ плату взяли: заказъ ба-

рышнѣ сдѣлали—чтобы она имъ вышла подушку шелками... Приѣдутъ, чай, скоро; давненько уѣхали.

Коробовъ. Я вотъ тутъ на столикъ книги положу; ты передай Вѣрѣ Николаевнѣ, Сидоръ, а я пойду въ Шанцево, мужиковъ на сѣнокосъ звать; можетъ быть, я зайду вечеромъ.

Сидоръ. Слушаю-сь. Вы книги-то мнѣ позвольте, я спрячу, а то вѣдь затащутъ куда-нибудь.

Коробовъ. На вотъ, передай, пожалуйста. Скажи Вѣрѣ Николаевнѣ, что я совѣтую непременно прочитать эти книги: очень, скажи, интересны.

Сидоръ. Слушаю-сь. Не будетъ только читать-то она...

Коробовъ. Почему? *(снимаетъ шляпу и садится къ столу)*.

Сидоръ. Не до того имъ: цѣлые дни съ Ганшей этой да съ Валерьяномъ Григорьевичемъ колобродятъ! Лошадей замучаютъ—на лодкѣ кататься поѣдутъ; это наскучить—еще

какой-нибудь сюрпризъ выдумаютъ; а то такъ просто въ лѣсъ съ Валерьяномъ Григорьевичемъ уйдутъ да и прогуляютъ съ утра до ночи,—въ деревнѣ гдѣ-нибудь молока покушаютъ, яицъ сварятъ... Самую несообразную жизнь ведутъ, и на господъ-то не похоже-съ!.. Книжку нонѣ и въ руки не берутъ... Да что книжки! Цвѣты свои любимые—и тѣ бросили совершенно!.. Я вотъ охотникъ до нихъ, такъ поливаю да смотрю, а то бы пропали давно... Меланхолія какая-то съ ними, ничѣмъ не угодишь: все скучно имъ, не весело... Мутятъ ихъ этотъ щеголь-то, Валерьянъ Григорьевичъ, да Ганша... Не люблю я этого барина, Богъ съ нимъ... Служить тамъ гдѣ-то, а и въ городѣ-то разъ въ мѣсяцъ бываетъ, а то все рыскаетъ да у Ганши проживаетъ... Не даромъ, видно, жена-то его бросила да въ за-границу уѣхала...

Коробовъ (*вставъ*). Какъ, развѣ Яловицкій женатъ?

Сидоръ. Женаты-съ, давно; женаты они на

дочери генерала Рыбакова, вотъ что усадьба-то въ Понгиловской волости, только, значить, въ разводѣ какъ бы, то есть вмѣстѣ-то не живутъ: Валерьянъ Григорьевичъ здѣсь проживаютъ, а барыня въ заграницѣ... Меньше году они жили вмѣстѣ-то.

Коробовъ (*задумчиво*). Такъ онъ женатъ... женатъ...

Сидоръ. Я пойду, Петръ Ивановичъ, скажу барину, что вы пріѣхали; они придутъ къ вамъ-съ.

Коробовъ. Нѣтъ, не надо, голубчикъ: я все равно уѣду сейчасъ... Ты вотъ подай мнѣ стаканъ молока холоднаго, я выпью съ удовольствіемъ да и поѣду; а ужо заѣду опять.

Сидоръ. Слушаю-съ, сейчасъ принесу (*уходитъ*).

Коробовъ (*одинъ*). Книгъ не читаетъ, цвѣты любимые бросила и все съ нимъ, съ Яловицкимъ этимъ... Что она нашла въ немъ?.. Нѣтъ, видно, Вѣра рождена не для той скромной роли въ жизни, какую я ей хотѣлъ дать:

ей нужна жизнь, просторъ, ширь, а я... я заурядный человекъ, съ мѣщанскими мечтами о счастіи, и мнѣ тутъ не мѣсто. (*Входитъ Сидоръ*).

Явленіе 2.

Коробовъ и Сидоръ.

Сидоръ (*входитъ*). Николай Петровичъ узнали, что вы здѣсь, сударь, и просятъ васъ пожаловать къ нимъ; да и барышня пріѣхали съ катанья, сюда дворомъ идутъ.

Коробовъ. Одна?

Сидоръ. Никакъ нѣтъ-съ: Валерьянъ Григорьевичъ съ ними и Ганша.

Коробовъ. Ну, я сперва къ Николаю Петровичу пройду. Онъ гдѣ?

Сидоръ. Въ кабинетѣ у себя-съ... Пожалуйте.

(*Коробовъ и Сидоръ идутъ въ домъ черезъ террасу. Въ камитку входятъ Вѣра, Яловицкій и Ганъ*).

Явленіе 3.

Вѣра, Ганъ и Яловицкій.

(Вѣра въ амазонкѣ, Яловицкій въ верховомъ костюмѣ).

Вѣра. Ахъ, какъ я рада, что начала ѣздить верхомъ!.. Сколько прелести въ этомъ удовольствіи!.. (Подходитъ къ Ганъ и целуетъ ее). Мерсі, тысячу разъ мерсі, Катерина Николаевна! Это вы все устроили милая!

Яловицкій. А я-то, Вѣра Николаевна, мало развѣ заботился? А меня и не благодарите!.. Бѣдный юноша!

Вѣра. Зачѣмъ же вы напрашиваетесь, бѣдный юноша, на благодарность? Я бы и безъ этого оцѣнила ваши заслуги... Мерсі, мой рыцарь! (подаетъ ему руку).

Ганъ. И берейторъ въ то же время.

Яловицкій. И жокей!.. Сколько обязанностей я несу!

Вѣра. Я вамъ за это, мой рыцарь, берейторъ и жокей, позволяю нарисовать три кар-

рикатуры въ моемъ альбомѣ, чего вы давно дожидались.

Яловицкій. Ба! Эта награда превышаетъ даже мои заслуги: вы такъ берегли страницы вашего альбома отъ злаго карандаша, держающаго рисовать въ немъ каррикатуры, когда онъ посвященъ одной только идилліи...

Ганъ. На кого же вы нарисуете эти три каррикатуры, Валеріанъ?

Яловицкій. Не бойтесь, кузина, не на васъ.

Ганъ: Я знаю, на кого... (*Показываетъ на шляпу Коробова*). На обладателя этой шляпы...

Вѣра. А! здѣсь Петръ Ивановичъ! Гдѣ же это онъ? Вѣроятно, у папы...

Яловицкій (*беретъ шляпу Коробова*). Да, онъ здѣсь, этотъ великій мужъ!

О, шляпа, шляпа!

Чѣю голову ты покрываешь?...

(*Ганъ и Вѣра смѣются*).

Вѣра. Не смѣйте смѣяться надъ Коробовымъ, а иначе я лишу васъ награды!..

Яловицкій (*кладя шляпу*). Не буду, чтобъ получить возможность нарисовать цѣлыхъ три каррикатуры на этого Донъ-Кихота, воюющаго съ мельницами и кабака́ми.

Вѣра. Какъ жаль, что я необдуманно согласилась!.. Впрочемъ я, быть можетъ, и передумаю еще... Я пойду переодѣнусь... Вы позволите? Я сію минуту...

Яловицкій. Оставайтесь въ амазонкѣ, Вѣра Николаевна: какъ она къ вамъ идетъ—чудо!

Вѣра. Вы мнѣ это говорите про каждое платье; я буду сердиться, monsieur Яловицкій!

Ганъ. Нѣтъ, это правда: къ вамъ амазонка очень идетъ.

Вѣра. Очень рада: теперь это мой любимый и, вѣроятно, самый употребительный костюмъ... Но въ немъ не удобно; я пойду... Pardon, я сію минуту! (*уходитъ*).

(*Яловицкій садится рядомъ съ Ганъ*).

Яловицкій. Какая вы хорошенькая сегодня, кухня...

Ганъ. Это вы каждой женщинѣ говорите, мой дорогой кузень?

Яловицкій. Каждой хорошенькой—да... А вы развѣ не причисляете себя къ хорошенькимъ?

Ганъ. Куда намъ! Мы отжили свой вѣкъ.

Яловицкій. Какая скромность! Какая похвальная скромность!.. Позвольте за это поцѣловать вашу ручку.

Ганъ. Вы считаете это для меня наградой? (!) я, не смотря на мою похвальную скромность, сама даю цѣловать свою ручку въ награду!

Яловицкій. Я хотѣлъ бы заслужить эту награду...

Ганъ. Это для васъ не трудно: скажите что-нибудь умное, новое и интересное.

Яловицкій. C'est bien!.. Вы угадали мои мысли! Знаете, я только-что собирался сказать умное, новое и интересное.

Ганъ. Очень пріятно. Ну-съ, что же это?

Яловицкій. Кузина, вы очаровательно хороши!..

Ганъ. Замолчите, замолчите!.. Это и старое, и неинтересное и... глупое!

Яловицкій. Вы перебили меня, кузина: я только началъ...

Ганъ. Но это—очень скучное предисловіе.

Яловицкій. Всѣ предисловія очень скучны, но необходимы... Нѣтъ, ужъ вы не перебивайте меня, а то я собоюсь, по врожденной привычкѣ сбиваться и въ рѣчахъ, и въ денежныхъ дѣлахъ.

Ганъ. Говорите; я слушаю.

Яловицкій. Такъ я говорю, что вы очаровательно хороши собою,—и при этомъ губите свою жизнь, могущую дать величайшія наслажденія... Вамъ надо полюбить...

Ганъ. Не васъ ли?

Яловицкій. Какъ скучно разговаривать съ умными: они узнаютъ всѣ мысли, прежде чѣмъ слово скажешь!

Ганъ. А, такъ я угадала?

Яловицкій. Вполнѣ, моя очаровательная кузина!

Ганъ. Нѣтъ, васъ я не люблю, кажется: вы не можете любить страстно; а ужъ если любить, такъ именно страстно!

Яловицкій. Ба! я именно и могу любить такъ!

Ганъ. Да? Скажите!.. А Вѣру вы тоже такъ любите?

Яловицкій. Вы хотѣли меня уколотъ, но это не удалось: неужели вы думаете, что я люблю Вѣру Николаевну?

Ганъ. А развѣ нѣтъ?

Яловицкій. Конечно! Она мила, симпатична, привлекательна; я готовъ бы вскружить эту хорошенькую головку, поухаживать, завлечь, поиграть въ любовь—и только! Но любить я могу лишь такую женщину, какъ вы... Боже мой, мало ли хорошенькихъ! Анета Коврикова, напримѣръ... Но не могу же я полюбить эту фарфоровую куклу!.. Подъ словомъ *любовь* я разумѣю многое.

Ганъ. Какая же я-то?

Яловицкій. Вы?—Вы дѣло другое... Но я вамъ опишу васъ подробно.

Ганъ. Это интересно; я слушаю.

Яловицнй. Вы, кузина, женщина созданная для любви пылкой, страстной и свободной; вамъ надо любить, вопервыхъ, безъ разсужденй, а вовторыхъ, вполнѣ свободно, то есть не связывая себя никакими очень громкими, но и очень тяжелыми и скучными вещами, въ родѣ долга, чувства признательности, вѣчной преданности и подобными традиціями отжившихъ старухъ. Вы должны любить только тогда, когда любится; но лишь только любовь остыла, другъ наскучилъ— *finita la comedia!* Вы объявляете это, и отставной другъ,—можетъ быть, съ грустью, съ тоской,—но долженъ удалиться, и безъ всякихъ драматическихъ выходовъ, въ родѣ упрековъ въ измѣнѣ, рванья волосъ и проч., а тихо и почтительно, глубоко поблагодаривъ за доставленное счастье и наслажденіе...

Ганъ. Но за кого же вы меня принимаете? что я такое, по вашему? Женщина, мѣняющая любовниковъ, какъ перчатки?

Яловицкій. Женщина, понимающая жизнь въ широкомъ значеніи этого слова, кузина!.. Жизнь очень вѣдь скучная вещь, кузина, и неглупый человѣкъ долженъ сдѣлать изъ нея наслажденіе; а то, право, не стоитъ и родиться! Какъ перчатки, говорите вы? Да, моя милая кузина, какъ перчатки!.. Наскучившій любовникъ все равно, что изношенная перчатка: вся измята, вся стара...

Ганъ. Вѣдь вы проповѣдуете Богъ знаетъ что, мой милый cousin!..

Яловицкій. Ахъ, кузина, можно давать названіе вещамъ по произволу... Это только свобода, широкая, полная свобода!.. Ну, представьте себѣ, что вы любите меня. Прошелъ годъ, другой, и вы видите, что я скученъ, холоденъ, однообразенъ, наконецъ у меня фізіономія сдѣлалась пошлая и гнусная. Вы разлюбили меня, а рядомъ со мной видите человѣка умнаго, пылкаго, красавца... И вотъ во имя какихъ-то призрачныхъ обязанностей вы все же привязаны ко мнѣ: онъ-де былъ

мнѣ дорогъ!.. Фи, какъ гадко! Что это? *пенсія за выслугу лѣтъ* въ дѣлѣ любви?.. Да я бы бѣжалъ отъ подобной *признательной* любви!

Ганъ. Знаете, кузенъ, вы можете увлечь: вы говорите пожалуй что и правду...

Яловицкій. Да? Значить ручку поцѣловать можно? (*Ганъ протягиваетъ ему руку, и онъ цѣлуетъ ее нѣсколько разъ*). Кузина, милая кузина! Права же скучно жить связаннымъ!.. А вамъ-то ужъ нѣтъ ни малѣйшаго резона связывать себя: вы вполнѣ самостоятельны... Полюбите меня!.. Я именно такой человѣкъ, какого вамъ надо: я не свяжу васъ, ничѣмъ не отравлю вашу жизнь!.. Взаимный трудъ, добровольное мученичество во имя любви и вѣрности—этихъ словъ нѣтъ въ моемъ лексиконѣ!.. Я хочу только любви и больше ничего!

Ганъ. Вы не вполнѣ Донъ-Жуанъ: *вы доказываете*, что васъ нужно любить.

Яловицкій Это я только вамъ доказываю, кузина; другія меня любятъ безъ доказательства.

Ганъ. Фать!

Яловицкій. И такъ, кузина?..

Ганъ. Что, кузень?

Яловицкій. Я могу надѣяться, что вы полюбите меня?

Ганъ. Гм... не знаю... Посмотримъ...

Яловицкій. А поцѣловать васъ можно?

Ганъ. Какой вы дерзкій!

Яловицкій. Я влюбленъ, кузина!.. (*цѣлуетъ ее*).

Явленіе 4.

Тѣ же, Вѣра и Коробовъ.

Коробовъ (*входя*). Мое почтеніе, Катерина Николаевна!.. Здравствуйте. Валеріанъ Григорьевичъ (*кланяется Ганъ и подаетъ руку Яловицкому*).

Яловицкій (*насмѣшливо оглядывая Коробова и съ утрированной вѣжливостью кланяясь ему*) Имѣю честь кланяться-сь...

(Коробовъ садится поодаль, Вѣра къ столу направо).

Яловицкій. Давно-съ не имѣлъ удовольствія видѣть васъ, monsieur Коробовъ, давно-съ... Все заняты?

Коробовъ. Да, заняты.

Яловицкій. Похвально-съ. Улучшаете быть крестьянъ? читаете полезныя книжки?

Коробовъ. Да, улучшаю и читаю.

Яловицкій. Такъ-съ... И вы находите пріятнымъ общество этихъ Сидоровъ Евстигнѣевыхъ, Егоровъ Лукошкиныхъ, Паросновъ Ларіоновыхъ и тому подобныхъ? Или, быть можетъ, вы бываете въ средѣ этой *самобытной силы* въ качествѣ просвѣтителя? Въдь у васъ тамъ, кажется, школа заведена, гдѣ вы вливаете свѣтъ въ свѣтлыя и безъ того головы *народа*?

Коробовъ. Господинъ Яловицкій, я бы попросилъ васъ разъ навсегда не заводить со мною разговора объ этихъ предметахъ...

Яловицкій. Почему же это-съ?

Коробовъ. Потому что интересоваться вами онъ не можетъ, и вы заводите его исключительно

съ цѣлью *задѣть* меня... А вѣдь я, вращаясь среди Парѣеновъ и Евстигнѣевъ этихъ, грубо сдѣлался очень; къ чему вамъ напращиваться на непріятности?

Яловицкій. О, какой онъ страшный, этотъ господинъ Коробовъ!.. Кузина, я боюсь его!.. Пойдемте погулять; тутъ за садомъ есть великолѣпная клубника, и среди этой клубники, да еще съ вами, кузина, ей Богу веселѣе, чѣмъ съ однимъ изъ представителей великихъ идей!.. До свиданья, *monsieur* Коробовъ! (*подаетъ руку Ганъ и уходятъ въ аллею направо*).

Вѣра. Что это вы, Петръ Ивановичъ, все ссоритесь съ Яловицкимъ? Отчего вы не можете сойтись съ нимъ? Онъ очень, очень уменъ, и если бы вы поукротили немного ваше самолюбіе, вы могли бы сблизиться съ нимъ и полюбить другъ друга.

Коробовъ (*переходя къ Вѣрѣ*). Вѣра Николаевна. до сихъ поръ я никогда и ничего не говорилъ вамъ о господинѣ Яловицкомъ,

но теперь вы сами вызвали меня на разговоръ о немъ, и я считаю долгомъ... Я выскажу вамъ свое мнѣніе объ немъ...

Вѣра. Вы его не браните... Я буду его защитникомъ очень горячимъ!

Коробовъ. Я только выскажу о немъ свое мнѣніе, и если вы сдумаете заставить меня переменить это мнѣніе, я буду очень радъ.

Вѣра. Нѣтъ, не надо, Петръ Ивановичъ. Знаете, я не хочу слышать ничего дурнаго о немъ; мнѣ будетъ непріятно это; я только скажу вамъ, что если онъ имѣетъ недостатки, то эти недостатки вполнѣ искупаются его достоинствами...

Коробовъ. Какими?

Вѣра. Петръ Ивановичъ, не нужно быть несправедливымъ. Неужели вы не знаете въ немъ никакихъ достоинствъ? Онъ уменъ, очень уменъ, онъ образованъ, великодушенъ и потому онъ такъ хорошо знаетъ жизнь, что на всѣ, на всѣ вопросы, которые задастъ жизнь, у него есть отвѣты...

Коробовъ. Вѣра Николаевна...

Вѣра (*перебивая*). Нѣтъ, погодите, не перебивайте меня... Я вамъ скажу все... Съ тѣхъ поръ, Петръ Ивановичъ, какъ я стала понимать себя, жизнь моя казалась мнѣ лишней въ институтѣ, было скучно по выходѣ изъ него, а всего скучнѣй мнѣ было послѣднее время!.. Повѣрите-ли, я не знала что съ собою дѣлать!.. Ну, тоска—и только!.. Я видѣла, какъ мои подружки шили себѣ наряды, какъ онѣ ѣздили на вечера и находили большое удовольствіе танцовать, веселиться; но мнѣ было скучно на этихъ вечерахъ... Меня занимала немного музыка, я проводила нѣсколько хорошихъ часовъ въ театрѣ, но это было очень мало, чтобы помириться съ жизнью, и я скучала... Мои подружки вышли замужъ. Это дѣлалось съ такимъ торжествомъ, онѣ были такъ счастливы; но приходилъ годъ, и, Боже мой! какой прозой дѣлалась жизнь моихъ бѣдныхъ подругъ!.. Я дала слово не выходить замужъ... Въ числѣ нашихъ знако-

мыхъ было нѣсколько очень интеллигентныхъ молодыхъ людей... Они говорили намъ о трудѣ... (*горько смѣется*). Я увлеклась было картинами, которыя рисовали эти молодые люди: они были такіе милые, увлекательные, добрые молодые люди.... Но, голубчикъ Петръ Ивановичъ, что вышло изъ этого? Одна моя подруга, Саша Розина, сдѣлалась учительницей, а другая пошла въ акушерки... Саша живетъ въ какой-то деревнѣ, и говорятъ, что ей страшно тяжело жить, что ей очень мало даютъ денегъ, она голодаетъ тамъ и все ссорится съ какимъ-то земцемъ, который притѣсняетъ ее... А акушерка... Это была милая, добрая дѣвушка... Она... Она содержитъ меблированные комнаты и... Съ ней, говорятъ, совѣстно встрѣчаться: она такая... не хорошая дѣвушка... И я задумалась, я не знала, что мнѣ дѣлать; мнѣ хотѣлось умереть, но и жить хотѣлось.... Я все чего-то ждала; мнѣ рисовались картины какой-то хорошей, хорошей жизни... И вотъ Яловицкій открылъ мнѣ гла-

за... Онъ созданъ для того, чтобы дать полную счастья жизнь женщинѣ, которую онъ полюбить...

Коробовъ (*вставая*). Яловицкій?... Валеріанъ Яловицкій, этотъ... хлыщъ?!.. Вѣра Николаевна!... (*садится и беретъ руку Вѣры*). Да что-же онъ дастъ женщинѣ, которая его полюбитъ? Куда онъ поведетъ ее? Вѣдь онъ поведетъ ее только въ мазуркѣ!.. Вѣдь онъ можетъ... Вѣра Николаевна, это ли человѣкъ, который можетъ дать счастье женщинѣ, желающей сдѣлать жизнь свою полною?

Вѣра. Это, это, Петръ Ивановичъ!... Прошлой зимой я увлекалась вашими рѣчами: вы на мои вопросы, что мнѣ дѣлать, какъ жить, говорили, что жизнь должна состоять изъ труда, изъ труда разумнаго, выбраннаго по душѣ; вы говорили, что если человѣкъ сознаетъ, что онъ приноситъ пользу, что онъ не лишній, то онъ уже близокъ къ счастью, а если онъ еще найдетъ себѣ друга, друга любимаго, то онъ уже и счастливъ... Я видѣла, какъ вы

покойно смотрѣли на свѣтъ, какъ вашими трудами вы пріобрѣли себѣ имя честнаго, умнаго и дѣльнаго работника, какъ въ городѣ и уѣздѣ говорили о васъ, какъ вы улучшали школы, пріобрѣтали крестьянамъ землю, строили тамъ гдѣ-то заводы, на которыхъ мужики зарабатывали своимъ семьямъ хлѣбъ; мнѣ наконецъ нравилась ваша борьба съ интригами, увлекала меня ваша удача, мнѣ нравилась такая жизнь, и я думала: хорошо бы быть подругой этого человека...

Коробовъ. Вы думали это?

Вѣра. Да, думала, и если бъ вы тогда сказали мнѣ: иди со мной дѣлать мои труды — я бы съ восторгомъ подала вамъ руку...

Коробовъ. Боже мой, Боже мой! могъ ли я знать это!.. Вѣра, Вѣра, вѣдь я васъ любилъ тогда!..

Вѣра. Вы и теперь любите меня; я это знаю.

Коробовъ (*порывисто вставая*). Знаете?.. Ну, и что же?.. Что же скажешь ты мнѣ теперь, моя дорогая, моя жизнь?.. Да, я люблю, люблю, люблю!..

Вѣра. Замолчите, замолчите!.. Мнѣ жаль васъ, я васъ уважаю, но... я люблю Яловицкаго!..

Коробовъ. Вы любите его?.. О, Вѣра, Вѣра!..

Вѣра. Да, я люблю его и съ нимъ, только съ нимъ могу быть счастлива!.. Не тревога, не борьба даетъ полное счастье, говоритъ онъ, а покой, тотъ душевный покой, который получаетъ человѣкъ, когда онъ любитъ и любимъ... Любовь—вотъ счастье!.. Жизнь, говоритъ онъ, это садъ; въ этомъ саду растутъ розы и колючій терновникъ: блаженъ тотъ, который сумѣетъ сорвать эти розы и избѣгнуть терновника... Пѣсни, музыка, блескъ и любовь—вотъ гдѣ счастье!..

Коробовъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Вѣра, Вѣра, куда приведетъ васъ этотъ человѣкъ?.. (*Беретъ ея руку*). Прощайте же, прощайте, Вѣра!.. Но ежели когда-нибудь это мишурное золото потускнѣетъ, если вы узнаете, какъ вы заблуждались, если вамъ будетъ горько—позовите меня, и я приду къ вамъ,—

приду не съ укоромъ, не съ упрекомъ, а чтобы взять васъ спутницей по новой, невѣдомой вамъ дорогѣ... На той дорогѣ есть и терновникъ, но она хороша, хороша... А пока... я одинъ пойду по ней... (*едва сдерживая рыданія, цѣлуетъ нѣсколько разъ руку Вѣры и быстро уходитъ*).

Вѣра (*смотря ему вслѣдъ*). Бѣдный, бѣдный другъ мой!.. (*тихо идетъ къ дому, но, замѣтивъ входящихъ въ садъ Яловицкаго и Ганъ, останавливается въ глубинѣ*).

Явленіе 5.

(*Входитъ Яловицкій подъ руку съ Ганъ. Въ саду темнѣетъ*).

Яловицкій. Какая прелестная ночь, кузина!.. Какъ хорошо, какъ отрадно любить въ такую ночь!..

Ганъ. Да, хорошо!.. И я люблю.. Съ тобой можно быть счастливой; я не раскаиваюсь, что сказала тебѣ: «да, я люблю тебя!» Дорогой мой, какъ мнѣ весело, какъ хоро-

шо!.. Я снова жить начала, снова бьется во мнѣ сердце!

Яловицкій. Милая кузиночка, прелесть моя!.. (*цѣлуетъ ее много разъ*). Вѣдь это только начало, а впереди у насъ цѣлый міръ наслажденій и счастья! (*обнимаютъ другъ друга и идутъ черезъ садъ*).

(*Вѣра, по уходѣ Яловицкаго и Ганъ, тихо, тихо идетъ къ авансценѣ*).

Вѣра. Они любятъ другъ друга.... Они счастливы, а я... Моя жизнь разбита... изломана!.. У меня отняли счастье, отняли!.. (*опускается передъ скамьею на колѣни и рыдаетъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе II.

Комната въ домѣ Коробова. Направо диванъ, передъ нимъ круглый столъ и нѣсколько креселъ кругомъ. На столѣ журналы, книги, газеты. У стѣны рояль. Направо небольшой съ чернильнымъ приборомъ письменный столъ, тоже заваленный книгами и бумагами. По

этой же сторонѣ два окна съ зеркаломъ въ простѣнкѣ. Прямо дверь выходная, налѣво— въ другія комнаты. Вся обстановка комнаты проста и мало уютна.

Явленіе 1.

Вѣра и Ганъ.

(Вѣра сидитъ за письменнымъ столомъ и перебираетъ письма. Ганъ оправляетъ передъ зеркаломъ шляпу.

Вѣра. Pardon, Катерина Николаевна, я сію минуту... Мужъ просилъ найти два письма, на которыя надо отвѣтить...

Ганъ. Пожалуйста, безъ церемоній! Мы деревенскіе сосѣди, намъ церемониться нечего, притомъ же я на одну минутку къ вамъ, на счетъ этой кавалькады... Я теперь поселилась опять въ этихъ краяхъ и буду надобдѣть вамъ очень часто (оправляется передъ зеркаломъ и напѣваетъ).

Вѣра (бросая письмо). Фу, какая скука, какая мертвящая скука читать эти чужія письма,

трактующія о *чужихъ* интересахъ!.. Ужасъ!

Ганъ. Воображаю, милочка.... Я еще удивляюсь вашему долготерпѣнію. Что до меня—я бы не вынесла недѣли такой ужасной жизни, на которую васъ обрекъ вашъ супругъ.

Вѣра. Можетъ быть, я глупа ужъ очень, такъ что не могу понять всѣхъ этихъ интересовъ дѣловыхъ людей, всѣхъ школъ и этихъ ссудосберегательныхъ кассъ, всѣхъ этихъ затѣй...

Ганъ. (*сидясь къ роялю и разбирая ноты*). Ничуть, ма chère, напротивъ: вы потому-то и узнали всю нелѣпость этихъ затѣй, что умны. Умные люди давно сознали, что все это утопія... Я читаю тоже вѣдь и серьезныя вещи и помню, что въ какой-то книжкѣ именно этимъ словомъ, *утопія*, названы всѣ эти выдумки умниковъ, въ родѣ вашего муженька.

Вѣра. Но Петръ уменъ, это безспорно, это вѣдь общій голосъ, а между тѣмъ находитъ большую прелесть во всѣхъ этихъ своихъ дѣлахъ... Нѣтъ, мы, должно быть, пусты очень,

воспитаны не такъ, пу, намъ и нужна иная жизньъ.

Ганъ. Конечно. Да по моему врядъ ли и найдется хоть одна женщина, если только она не уродъ, которая вынесла бы такую жизнь и (простите Бога ради, душенька) такого мужа!.. Все дѣло да дѣло, а жить-то когда же?.. Вѣдь онъ вамъ не показаль ни Парижа, ни даже нашего Петербурга!.. Вѣдь вы,—простите меня,—портнихи порядочной не имѣете!.. Развѣ это жизнь!.. (*Подходитъ къ Вѣрѣ и садится рядомъ съ нею*). Какъ вы вышли за него? Расскажите мнѣ, дорогая; это очень интересуется меня... Я вѣдь помню, вамъ тогда нравился Валеріанъ; вы, кажется, любили его даже...

Вѣра. Да, да, я любила его... Но я узнала случайно, что онъ не любитъ меня, любитъ другую... О, какъ мнѣ было больно, какъ горько потерять его, отказаться отъ него! Но я должна была отказаться, должна... И я осталась одна, точно на распутьи.... Я бы

погибла отъ тоски, отъ одиночества; но Петръ былъ все время около меня, любилъ меня... Я его не любила, но уважала; онъ нравился мнѣ, и я стала его женою... Я думала найти исходъ изъ того страшнаго, безвыходнаго одиночества, которое овладѣло всѣмъ существомъ моимъ... Петръ меня любитъ, онъ счастливъ кажется, но я... я его уважаю... Боже мой! да какое же это и уваженіе, если я не вѣрю ни во что изъ того, чему вѣритъ онъ, если его симпатіи мнѣ чужды, если его дѣла я не люблю!..

Ганъ. Бѣдняжка! Какъ я сочувствую вамъ, какъ мнѣ жаль васъ!..

Вѣра. А какъ мнѣ тяжело, Катерина Николаевна, какъ больно, стыдно, горько!... Что же дальше? Чѣмъ все это кончится? Быть можетъ, я полюблю Петра, полюблю его дѣло и наполню имъ жизнь... (*Встаетъ*). Нѣтъ!.. Мнѣ осталось одно, это—забвеніе, полное забвеніе! Я жить ужъ не буду, я буду только прозябать... Уйти, бѣжать отсюда, умереть?

Но вѣдь я должна тогда разбить жизнь мужа! За что же, за что я его погублю? Погубить любящаго человѣка за свою собственную ошибку!... Нѣтъ, я буду жить... (*Подходитъ къ зеркалу*). И посмотрите, какая я стала!.. Блѣдная, худая, глаза впали.... Какая-то безжизненная....

Ганъ. Ужасъ! Васъ уморить этотъ господинъ, это извергъ какой-то, хуже любого Кить Китыча: тѣ по крайней мѣрѣ хотъ развлеченія женамъ доставляютъ... Вотъ что, милая: я возьмусь за васъ да и за него, за муженька вашего... Для перваго начала мы сегодня поѣдемъ кататься; насъ цѣлое общество собралось, и cousin въ томъ числѣ, Валя. Онъ теперь у меня... Мы не любимъ другъ друга, но мы друзья. Я сейчасъ пошлю его къ вамъ, а вечеромъ сама приѣду за вами, и у насъ составитя кавалькада... Au revoir, ma chère; вечеромъ увидимся (*цѣлуетъ Вѣру*).

Вѣра. Хорошо, а пока я кончу эту работу; я мужу дала слово кончить ее...

Ганъ. Опять работа?... Бросьте вы все!..

Вѣра. Нельзя, слово дала...

Ганъ. Неисправимая!.. Ну, да мы исправимъ васъ... *Аи gevoir, до вечера... (уходитъ, Вѣра садится къ столу. Входитъ докторъ).*

Явленіе 2.

Вѣра и докторъ.

Докторъ. Мое почтеніе, барыня (*подходитъ къ Вѣрѣ, здоровается и садится рядомъ*). Пишете?

Вѣра. Да, обѣщала мужу кончить переводъ вотъ этой брошюрки...

Докторъ (*смотря брошюрку*). Похвально-съ; брошюра дѣльная и намъ нужная, скорѣй кончайте-съ... А самага-то видно нѣтъ?

Вѣра. Нѣтъ, онъ уѣхалъ въ волостное правленіе; тамъ сегодня сходъ на счетъ закрытія кабака.

Докторъ. Ага, подготовилъ таки!.. Молодецъ вашъ мужъ, ей Богу молодецъ!.. Вы

себѣ и представить не можете, сколько зла дѣлаетъ этотъ кабакъ проклятый!.. Такъ вотъ что-съ, сударыня: ждать мнѣ некогда, а вы передайте ему, что я былъ на съѣздѣ и подготовилъ нашихъ земцевъ къ открытію въ Понгиловѣ фельдшерскаго пункта. Предсѣдатель и гласной Степановъ... Да вы меня не слушаете, барыня?..

Вѣра. (*встрепенувшись*). Простите, докторъ... Нѣтъ, я слушаю; говорите, говорите... Голова что-то болить и грудь... Не здоровится мнѣ, докторъ!..

Докторъ. Дайте-ка пульсъ... Гмъ... Спите плохо?.. Аппетита нѣтъ?... Это нервы у васъ, барыня. Вы вотъ что: гуляйте больше, купайтесь.... Охъ мнѣ, барыни эти! Чуть что—нервы сейчасъ... Перевелъ бы я этихъ барынь всѣхъ: только хлопоты съ ними, право!.. Я къ вамъ заѣду завтра, пропишу кой-что. А вы гуляйте больше... До свиданья. Коли Петръ Николаевичъ пріѣдетъ скоро, такъ пусть ко мнѣ прокатится; я дома буду и по-

толкую съ нимъ... Ну, прощайте, бросьте ужъ брошюру-то, идите гулять... (*уходитъ, захвативъ со стола нѣсколько книгъ и журналовъ*).

Вѣра (*одна*). И всѣ-то о дѣлахъ и всѣ-то о дѣлахъ!.. (*порывисто встаетъ со стула и отталкиваетъ бумаги*). Да не хочу я этихъ дѣлъ, не хочу!.. Я жпть хочу!.. Я хочу свѣта, радости, жизни!... Что мнѣ въ этихъ дѣлахъ, если я сама лично не счастлива!.. Свободы, свободы у меня нѣтъ—я жена не любимаго мною человѣка!.. Зачѣмъ онъ увлекъ меня, зачѣмъ онъ, когда я была на распутьи, взялъ меня и надѣлъ цѣпи?.. Зачѣмъ онъ обманулъ меня, посуливъ счастье и не давъ его?... Я ненавижу, ненавижу этого человѣка: онъ погубилъ меня!... (*рыдаетъ, опустивъ голову на столъ. Входитъ Коробовъ*).

Явление 3.

Вѣра и Коробовъ.

Коробовъ. Вотъ и я, Вѣрочка.... (*останавливается пораженный*). Вѣра, Вѣрочка, что

съ тобой? *(быстро подходитъ къ Вѣрѣ и наклоняется къ ней)*. Что съ тобой, моя дорогая? Ты плачешь?

Вѣра *(поднимая голову)*. Ничего... Оставь меня...

Коробовъ. Боже мой, да что же такое случилось? Что съ тобой, Вѣрочка?

Вѣра. Ахъ, ничего, ничего... Дай мнѣ воды, пожалуйста...

Коробовъ *(подавая воду)*. Вѣра, голубушка моя, да что же съ тобою? Не мучь меня, скажи... Тебя огорчили, обидѣли?.. Ты блѣдная, въ жару... Родная моя, да скажи же мнѣ!..

Вѣра *(встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ сторону, Коробовъ съ тревогой слѣдитъ за нею глазами)*. Что я скажу ему, Боже мой?... Ничего, это такъ, это пройдетъ... *(садится на диванъ и сейчасъ же порывисто встаетъ)*. Петръ!.. Нѣтъ, нѣтъ, не выговорить!..

Коробовъ. Вѣрочка, Вѣра, ты больна!.. Ты вся горишь... Эй, кто тамъ есть? Войдите

сюда!.. Я за докторомъ поѣду... (*бѣжитъ къ двери и сталкивается съ горничной*). Останьтесь тутъ съ барыней, она больна... Воды подайте... Уложите въ постель... Я къ доктору поѣду (*убѣгаетъ; за сценой слышится его голосъ: «Не разсѣдывать лошадь!.. Подведи сюда!.. Живѣй, живѣй!.. Давай такъ!»*).

Явленіе 4.

Вѣра и горничная.

Вѣра. Иди, Маша: ты мнѣ не нужна, я останусь одна. (*Дѣвушка уходитъ*). Бѣдный, бѣдный Петръ, какъ онъ любить меня!.. (*подходитъ къ окну*). Какъ поскакалъ, безъ сѣдла даже... Бѣдный, бѣдный!.. А я развѣ не бѣдная? Развѣ я счастливѣе его?.. Онъ хоть любить, да и дѣло у него есть, а я... Я жалкая, жалкая, жалкая!.. (*Слышится колокольчикъ. Вѣра подходитъ къ другому окну*). Ба, Яловицкій!.. Маша, Маша! (*подходитъ къ двери и кричитъ*). Пріѣхалъ Валерьянъ Григорьевичъ; скажите, что барина нѣтъ дома,

а я больна... (*Въ раздумьѣ*). Или принять?... (*Кричитъ въ дверь*). Впрочемъ нѣтъ, примите Валерьяна Григорьевича (*идетъ къ дивану и садится. Входитъ Яловицкій*).

Явленіе 5.

Вѣра и Яловицкій.

Яловицкій. «Чѣмъ свѣтъ—ужъ на ногахъ!.. И я у вашихъ ногъ!...» Здравствуйте, Вѣра Николаевна (*цѣлуетъ ея руку и садится рядомъ на кресло*). Супругъ отсутствуетъ?

Вѣра. Да, онъ уѣхалъ къ доктору; мнѣ что-то не поздоровилось.

Яловицкій. Да?.. Э, да вы и то блѣдны, глаза лихорадочные... Что съ вами?

Вѣра. Такъ, пустяки... Вы забыли насъ, или все веселитесь и «срываете розы насладенія?»

Яловицкій. Какія розы!... Напротивъ, скучаю страшно, должно быть, передъ радостью: въ концѣ мѣсяца ѣду за границу, и ужъ конечно поживу безгранично... Ха, ха... Это

плохой каламбуръ, но теперь все плохо на свѣтѣ, — такой ужъ вѣкъ... Ну-съ, а вы какъ? Наслаждаетесь конечно медовыми мѣсяцами? Да?

Вѣра. Можетъ быть, и наслаждаюсь, но все же не прочь видѣть почаще своихъ знакомыхъ... Знаете, Валерьянъ Григорьевичъ, я вамъ скажу серьезно: мнѣ больно, что вы, старый, добрый знакомый, оставили меня, и тѣмъ болѣе, что я всегда считала васъ за друга, за друга умнаго, опытнаго, могущаго дать совѣтъ; а я въ совѣтѣ конечно нуждаюсь: я на новой дорогѣ...

Яловицкій (*кладя шляпу и подвигаясь къ Вѣрѣ*). Вѣра Николаевна, дорогая Вѣра Николаевна... Позвольте мнѣ такъ назвать васъ... Я вижу искренность въ вашихъ словахъ и тронуть, глубоко тронуть!.. Да, я знаю, что вы слушали меня, дарили вниманіемъ, и я всегда дорожилъ этимъ. Но.... Вы позволите мнѣ быть откровеннымъ?

Вѣра. Друзья всегда должны быть откровенны.

Яловицкій. Еще разъ отъ души благодарю васъ за слово «другъ». Въ силу этой дружбы я буду говорить прямо: Меня очень, очень удивилъ вашъ выходъ за Петра Ивановича, — удивилъ и въ то же время отнялъ возможность предположить какое-нибудь съ моей стороны вліяніе на васъ: вы конечно знаете, какъ я... Словомъ, я никогда бы не посоветовалъ выходить за него никакой дѣвушкѣ вообще, а вамъ въ особенности... Простите меня; быть можетъ, вамъ это слышать больно, но... вы сами позволили мнѣ быть откровеннымъ... Да, когда я вернулся съ кузиной съ юга и узналъ, что вы жена Петра Ивановича, я заключилъ, что вы не только разошлись съ моими взглядами, но и совершенно переродились, и ужъ, конечно, не посмѣлъ считать себя вашимъ другомъ.

Вѣра. Валерьянъ Григорьевичъ, я буду тоже откровенна. Я теперь замужемъ; прошлое очень, очень далеко, и я могу говорить... Я думала когда-то, что вы любили меня...

Яловицкій. Вы *думали*? только думали?.. О, Вѣра Николаевна, зачѣмъ кривить душой? Вы не думали, а были увѣрены въ этомъ! Я не скрывалъ и не маскировалъ свою любовь!..

Вѣра. Но... вы тогда любили Ганъ...

Яловицкій. Ганъ? Кузину? Боже мой! да развѣ возможно любить ее? Это черствая, злая кокетка, а вмѣсто сердца у ней несессеръ съ различными инструментами для уловленія поклонниковъ!.. За нею можно волочиться, но ужъ никакъ не любить.

Вѣра. Вы лжете, Яловицкій: вы любили ее!

Яловицкій. И вы будете это утверждать?

Вѣра. Да, вы любили ее! Я только заблуждалась, думая, что вы любите меня...

Яловицкій. Вѣра Николаевна!

Вѣра. Слушайте: я напому вамъ: въ одинъ вечеръ вы были у насъ, поспорили съ Петромъ и ушли гулять съ Ганъ... Петръ остался со мной, много говорилъ... Я убѣдилась, что онъ любитъ меня, и, уважая его, чувствуя къ нему большое, большое расположеніе, ставя

его высоко, дала ему понять, что не люблю его, никогда не буду его женой и оттолкнула его... Я думала, что еще любить меня другой человекъ, человекъ болѣе дорогой... Я тогда любила васъ, Яловицкій!

Яловицкій. Вѣра Николаевна!.. Дорогая моя!..

Вѣра. Но я горько, горько ошиблась, и страшно наказана за это!.. Проводивъ Петра, я вышла тогда въ садъ... Была чудная ночь; она вполнѣ гармонировала съ моимъ настроеніемъ.... Я вышла и увидѣла сцену объясненія въ любви... Человекъ, котораго я любила, былъ счастливъ съ другой.... Вы должны помнить эту ночь...

Яловицкій. Да, я помню... Я цѣловалъ тогда кузину въ сдау; вы увидѣли это и приняли за объясненіе въ любви; увидѣли въ этой, только пикантной сценѣ идиллію!.. Вѣра Николаевна, неужели вы могли когда-нибудь думать, что я люблю кузину?.. Боже мой! Я могъ говорить ей нѣжности, могъ цѣловать ее, — да и какой же мужчина откажется отъ

поцѣлуя хорошенькой женщины? Но любить ее—этого ни я, ни другой никто не можетъ. Повторяю вамъ: это—безддушная, черствая кокетка... Я любилъ васъ, Вѣра Николаевна, но... жениться не могъ и лишь поэтому не смѣлъ вамъ сказать слово *люблю*... Если бы вполнѣ я былъ увѣренъ въ томъ, что вы любите меня, я бы и тогда не сказалъ этого слова. Зачѣмъ? Жениться я не могу и не хочу,—по принципу, по глубокому убѣжденію, вынесенному горькимъ опытомъ, наблюденіемъ; а не женившись любить... Увы! это такъ трудно въ нашемъ меркантильномъ вѣкѣ, гдѣ приличіе дороже жизни, счастья, гдѣ дѣвушку, отдавшуюся любимому человѣку, побиваютъ камнями презрѣнія!.. Но теперь, теперь, Вѣра Николаевна, я признаюсь вамъ, что я страстно, безумно любилъ васъ и... и люблю еще!

Вѣра. Теперь я принадлежу другому....

Яловицкій. Простите меня: это признаніе сорвалось невольно... Но позвольте мнѣ спро-

ситъ васъ, какъ друга: вы счастливы? (*беретъ Вѣру за руку и смотритъ ей въ глаза*).

Вѣра (*послѣ молчанія*). Нѣтъ, я не счастлива... (*быстро встаетъ и проходитъ по сценѣ*). Я сознала, что мой мужъ созданъ не для того, чтобы дать счастье какой-нибудь женщинѣ, развѣ только такой же идеалисткѣ, какъ онъ самъ; я сознала, что его дѣло—не мое дѣло, что жизнь, на которую я обречена, не даетъ, не можетъ дать мнѣ счастья, и наконецъ я вполнѣ, вполнѣ сознала, что не люблю его и что никогда не буду счастлива, да и для него не составлю счастья!..

Яловицкій (*подходя къ Вѣрѣ и усаживая ее на диванъ*). Бѣдный другъ мой!.. И зачѣмъ, зачѣмъ вы пошли за него?.. О; какъ страшно я ненавижу этого человѣка!.. Придти къ молоденькой дѣвушкѣ, вскружить ей голову какими-то бреднями и жениться на ней!..

Вѣра. Но вѣдь онъ любилъ меня..

Яловицкій. Да? Такъ все имя того, что любилъ васъ, онъ и испортилъ всю вашу жизнь?

Вѣра. Не смущайте меня, не прибавляйте мнѣ страданій! Вѣдь этого ужъ не поправить...

Яловицкій (*береть руку Вѣры*). Не поправить? Почему? Кто же вамъ мѣшаетъ сбросить съ себя это *иго*? Долгъ?.. Какое громкое и какое пустое слово! И изъ-за этого слова приносить въ жертву все счастье, всю жизнь!.. Вы взгляните въ жизнь: она хороша для того, кто умѣетъ ею пользоваться и кто не громоздитъ на своей дорогѣ ненужныхъ преградъ, а идетъ по ней и достигаетъ той цѣли, къ которой стремится все человѣчество. Цѣль эта—счастье. Знайте, что у васъ есть другъ, готовый вырвать васъ изъ оута, изъ мрака, населеннаго призраками!.. О, если вы отвѣтите этому другу сочувствіемъ, онъ будетъ и самъ счастливъ, и вамъ дастъ счастье! Другъ этотъ—я; дорогая моя Вѣра! (*За сценой слышится голосъ Коробова: «Ну, что барыня? лучше ли ей?»*). Вѣра быстро встаетъ).

Вѣра (*Яловицкому*). Смотрите, не ошиби-

тесь: не увлекаетесь ли и вы, какъ Петръ?.. Но... прежде чѣмъ погибнуть, я попытаюсь жить... Я буду ваша! (*уходитъ нальво. Входитъ Коробовъ, докторъ и дѣвушка*).

Явленіе 6.

Яловицкій, Коробовъ, докторъ и дѣвушка.

(*Яловицкій привстаетъ и кланяется Коробову, тотъ киваетъ ему головой*).

Коробовъ (*дѣвухѣ*). Скажите барынѣ, что пріѣхалъ докторъ.

(*Дѣвушка уходитъ; Коробовъ съ докторомъ стоятъ направо, Яловицкій сидитъ нальво на диванѣ и разсматриваетъ альбомъ*).

Докторъ (*тихо Коробову*). Часто у васъ этотъ баринъ-то бываетъ?

Коробовъ. Нѣтъ, первый разъ. А что?

Докторъ. Да такъ... Вы, батенька, тово, держите его отъ барыни-то подальше, а то эти нервы всего больше вотъ отъ такихъ господъ и бываютъ.... Донъ - Жуанъ здѣшнихъ мѣсть!

Коробовъ. Докторъ, я бы попросилъ васъ не говорить мнѣ такихъ вещей!.. Моя жена слишкомъ далека отъ того, чтобы...

Докторъ. Чтобы полюбить-то? Никакая женщина отъ этого не далека, голубчикъ, а такая пылкая, увлекающаяся, какъ ваша барыня, и тѣмъ паче... Вѣдь молодой-то барынькѣ наши земскія дѣла не особенно по вкусу... Всегда какъ-то случается такъ, что у людей очень дѣловыхъ жены, коли только онѣ не уроды или не старухи, имѣютъ склонность къ украшенію супружеской головы рогами...

Коробовъ. Докторъ, но это оскорбленіе!..

Докторъ. Э, полно вамъ! Развѣ ваша жена не женщина? Развѣ ей не любъ красавецъ-мужчина, который поведетъ ее по веселой дорожкѣ наслажденій? Это вотъ вамъ очень ужъ интересно, будетъ ли въ такой-то деревнѣ кабакъ, или нѣтъ, а ей, право, хочется пожить сердцемъ да въ вихрѣ наслажденій и удовольствій покружиться... Вы, батюшка, не будьте на меня въ претензіи: я вашу барыню

люблю и уважаю, но изъ общаго правила исключенія для нея не сдѣлаю: она женщина, слѣдовательно и не прочь поискать наслажденій... А то она только брошюры о пользѣ трехпольнаго хозяйства переводить да карявую морду понгиловскаго старшины видитъ! (*Входитъ дѣвушка*).

Явленіе 7.

Яловицкій, Коробовъ, докторъ и дѣвушка.

Дѣвушка. Барыня проситъ васъ, господинъ докторъ... (*Докторъ и дѣвушка уходятъ налево; Коробовъ стоитъ нѣсколько времени молча, потомъ быстро подходитъ къ Яловицкому. Тотъ взглядываетъ на него, потомъ продолжаетъ разсматривать альбомъ*).

Коробовъ. Господинъ Яловицкій!..

Яловицкій. Что вамъ угодно, господинъ Коробовъ?

Коробовъ. Мнѣ угодно... угодно... чтобъ вы не посѣщали насъ... Мнѣ угодно, чтобъ вы сію минуту оставили мой домъ!..

Яловицкій (*вставая*). Да—а? Но вамъ, вѣроятно, извѣстно, что въ порядочномъ обществѣ отказываютъ человѣку отъ дома по какой-либо уважительной причинѣ... Могу я знать эту причину?

Коробовъ (*задыхаясь*). Пусть... пусть я не порядочнаго общества!... Я ненавижу васъ, потому что ненавижу васъ, и если встрѣчусь еще... я убью васъ, какъ убиваютъ бѣшеную собаку!... Идите!

Яловицкій (*беретъ шляпу*). Мнѣ, конечно, не остается ничего болѣе, какъ уйти, потому что я имѣю дѣло съ человѣкомъ очень грубымъ и очень мало воспитаннымъ, и я ухожу, но на прощанье я долженъ сказать вамъ, что вы избрали очень дурной способъ понравиться вашей женѣ, и если вы полагаете, что она полюбитъ васъ послѣ этого, такъ вы ошибаетесь... До свиданья-съ...

Коробовъ. Такъ ты еще смеешься надо мной... издѣваешься!.. (*бросается къ Яловицкому*). Я задушю тебя, проклятый!..

Яловицкій (хватая стулъ и защищаясь).
Помогите... помогите... Насиліе!.. Разбой!..
(Вбѣгаютъ Вѣра и докторъ).

Явленіе 8.

Коробовъ, Яловицкій, Вѣра и докторъ.

(Коробовъ отходитъ, сильно взволнованный, на авансцену; Вѣра смотритъ на него и на Яловицкаго).

Яловицкій. Вашъ мужъ дикарь, сумасшедшій человѣкъ, мужикъ!... Онъ хотѣлъ убить меня!..

Вѣра (дѣлая нѣсколько шаговъ къ мужу).
Вы... вы ревнуете?... Но развѣ я или Яловицкій подали вамъ поводъ къ бурнымъ сценамъ?.. Брѣсаясь на него, вы думаете защитить мою честь... Но развѣ она оскорблена?.. Вы, быть можетъ, догадались, что я уже не... люблю васъ; такъ вѣдь съ этимъ надо помириться, онъ въ этомъ не виноватъ...

Коробовъ. А! ты... ты разлюбила меня?

Вѣра (колеблется одну минуту). Да, я разлюбила васъ...

Коробовъ. И... и любишь его?

Вѣра. Да, я люблю его...

(Коробовъ, пошатнувшись, падаетъ на стулъ; докторъ быстро подходитъ къ нему).

Вѣра *(подходя къ мужу)*. Простите, простите меня, будьте великодушны... Я приношу вамъ много зла, но что же мнѣ дѣлать, что дѣлать?! Я поняла, что не могу быть вашей женою, что между нами порвана всякая связь...

Коробовъ. Идите... идите... Оставьте меня... Боже, Боже мой! опять одинокъ, опять одинокъ... *(падаетъ головой на столъ; докторъ склоняется надъ нимъ).*

Вѣра *(быстро подходя къ Яловицкому)*. Уйдите отсюда!.. Мнѣ тяжело, невыносимо тяжело!.. Везите меня, дѣлайте со мной, что хотите! *(уходитъ, увлекаая за собой Яловицкаго).*

Коробовъ *(вскакивая)*. Ушла... Докторъ, докторъ, воротите ее!.. Или нѣтъ... останьтесь, докторъ... Вѣдь она ушла съ любимымъ

человѣкомъ; вѣдь она любить его!.. (*садится на стулъ и оглядываетъ комнату*). Одинъ я опять, одинокъ... (*Встаетъ и беретъ доктора за руку*): Пойдемте, докторъ... Туда пойдемте, къ вамъ... Вонъ изъ этого дома! Теперь тутъ для меня ничего нѣтъ... Была цѣль, была дорога въ жизни... Было гнѣздо; съ любовью я вилъ его и... разорилъ гнѣздышко мое этотъ... подлець!.. Этотъ... Пойдемте!..

... .. ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе 3.

Очень скромная комната въ городской квартирѣ Коробова. Обитый ситцемъ диванъ и такія же два кресла; передъ диваномъ столъ, покрытый дешевенькой скатертью, и полдюжины простенкиихъ стульевъ. Направо ломберный столъ; на немъ чернильный приборъ и нѣсколько книгъ. У задней стѣны коммодъ, съ зеркальцемъ на немъ. По стѣнамъ дешевыя картинки; въ углу на полу дѣтскія игрушки.

Явленіе 1.

Докторъ и Сидоръ.

(Докторъ входитъ съ небольшимъ сакъ-во-
яжемъ въ рукахъ и съ сумкой черезъ плечо,
Сидоръ вноситъ за нимъ чемоданъ).

Докторъ. Здравствуй, Сидорушко, здрав-
ствуй, голубчикъ! Вижу, что ты не притворно
радъ мнѣ, вижу. (кладетъ сакъ-во-
яжъ на стулъ, снимаетъ сумку и садится налъво).

Сидоръ (кладя чемоданъ у дверей). Ужъ
какъ радъ-то, сударь, — страхъ! Словно ожилъ
я, васъ увидавши, ей Богу-съ!.. А баринъ-то,
баринъ-то какъ будутъ рады, Господи!.. Въдъ
денечка не проходило, чтобы они васъ не по-
мянули, ей Богу-съ!

Докторъ. Спасибо вамъ, друзья, спасибо. И
я соскучился по васъ въ чужихъ краяхъ-то, —
тоже часто поминалъ.

Сидоръ. Долгонько погостили, сударь, въ
заграницѣ-то.

Докторъ. Да, безъ малаго два года. Учился,

Сидоръ, на старости лѣтъ учился: многому, братъ, за границей можно научиться, много есть тамъ хорошаго. Да... Ну, а вы какъживаете тутъ? Петръ Ивановичъ и не писалъ мнѣ ничего и не знаю я про васъ ничего. а вѣдь около двухъ лѣтъ прошло.

Сидоръ. Живемъ-съ... Петръ Ивановичъ по земству служатъ, секретаремъ тамъ-съ, а имѣнье въ аренду отдали... Скучаютъ, сударь, видимо скучаютъ... Только и утѣхи у нихъ, что сыночекъ...

Докторъ. Сыночекъ? Да развѣ у него остался послѣ жены ребенокъ?

Сидоръ (*подходя ближе, таинственно*). Никакъ нѣтъ-съ, не отъ супруги, а отъ другой-съ: вотъ ужъ больше году съ ними живетъ барышня одна, Ольгой Петровной зовутъ... Она не то что барышня, а такъ, изъ простыхъ почти, волостнаго писаря Понгиловской волости дочь... Родитель-то у нихъ померъ, ну, онѣ и сошлись съ баринкомъ... Хорошей души барышня и Петра Ивановича

весьма любить; большая имъ поддержка и утѣшеніе... Я такъ полагаю, что безъ Ольги Петровны баринъ пропасть бы могли отъ горя; попивать стали было, сударь!

Докторъ. Образованная она?

Сидоръ. Нѣтъ-съ. Грамотѣ обучена, а образованія нѣтъ, но только деликатны весьма и собою миловидны; а ужъ доброты, такъ хотѣ отбавляй! (*Указывая на дверь налево*). Переодѣться пошли, васъ изъ окна увидавши; сейчасъ выйдутъ... По слухамъ-то онѣ васъ хорошо знаютъ.

Докторъ. А гдѣ же Вѣра Николаевна?

Сидоръ (*махнувъ рукой*). У господина Яловицкаго проживаютъ. Онѣ купилъ имѣнье тутъ подѣ городомъ, тамъ и живутъ... Плохо живутъ-съ. Валеріанъ Григорьевичъ баринъ не основательный, вѣтрогонъ-съ, семейный врагъ, можно сказать... Наскучила имъ и Вѣра Николаевна; тяготятся они ею; ну, и должна страдать отъ этого. Папенька ихъ, Николай-то Петровичъ, померли, имѣнье про-

дано; отъ мужа онъ отбиты... Пожилъ я у нихъ съ полгода,—ушелъ: невыносимо стало!

Докторъ (*встаетъ и ходитъ*). Такъ, такъ... Семейный врагъ, именно семейный врагъ... Семейный и общественный врагъ!

(*Входитъ Ольга Петровна. Она одѣта очень скромно и держитъ себя застыдливо. Взойдя, останавливается у дверей и дѣлаетъ Сидору знаки, не замѣчаемая докторомъ*).

Явленіе 2.

Ольга Петровна, докторъ и Сидоръ.

Сидоръ. А вотъ и Ольга Петровна, сударьд..

Докторъ (*быстро оглядывается и нѣсколько секундъ смотритъ на Ольгу, потомъ подходитъ*).

Здравствуйте, сударыня, здравствуйте,—по-епакомимтесь... (*беретъ ее за руку и опять смотритъ*). Красавица, скромница и здоровая мать... Сами кормите Петрушина сына?

Ольга Петровна. Сама-съ... Петръ Иванъ-вичъ жалѣли меня, хотѣли взять кормилицу, да я не согласилась...

Докторъ. И отлично сдѣлали.... Присядемъ, сударыня, поговоримъ, поближе познакомимся... *(ведетъ ее за руку направо и сажаетъ на диванъ, помѣщаясь рядомъ; на креслѣ).*

Ольга Петровна. Я хотѣла приготовить закусить вамъ съ дороги, чаю подать... Я сейчасъ приду...

Докторъ. Э, успѣется... Закусить я не хочу, — на послѣдней станціи завтракалъ, — а чаю намъ и Сидоръ подастъ...

Сидоръ. Сейчасъ, сударь, сейчасъ... Ольга Петровна, я поставлю самоваръ-то, а вы потомъ ключи мнѣ пожалуйста; я приготовлю все съ...

Ольга Петровна. На-те вамъ, Сидоръ Ерма- лаевичъ, приготовьте *(подастъ Сидору ключи и что-то шепчетъ).*

Сидоръ. Слушаю-съ, все приготовлю *(ухо- дитъ).*

Докторъ. Такъ и проживаете съ Петромъ? И вьете гнѣздышко?

Ольга Петровна. Да-съ, живемъ помень-

ку... Живемъ счастливо, хорошо, только вотъ одно...

Докторъ. Что-съ?

Ольга Петровна. Не обвиняни мы съ нимъ... Стыдно какъ-то, да и сына Колю жаль—ни то, ни се будетъ...

Докторъ. А вы обвиняйтесь, это можно устроить...

Ольга Петровна. Ахъ, нѣтъ, что вы!.. Петръ Ивановичъ дворянинъ, образованъ, а я вѣдь такъ... простая. Для жены я имъ не пара... Они вотъ все въ Питеръ собираются... Положимъ, что и меня возьмутъ, да вѣдь они могутъ тамъ встрѣтить барышню по себѣ, полюбить могутъ и жениться, а ужъ если мы обвиняемся, такъ не развѣнчаешь...

Докторъ. И вы бы уступили его другой?

Ольга Петровна. Да какъ же не уступить-то? Я понимаю, что я имъ не пара... Плакала бы, потосковала бы, а счастью бы ихнему мѣшать не стала...

Докторъ. Да вы хорошая, добрая дѣву-

шка, чудо какая хорошая!.. Очень васъ любить Петръ?

Ольга Петровна (*вздыхая*). Любятъ... Не слыхала я отъ нихъ ни единого слова худаго; покоять меня, балуютъ, да только...

Докторъ. Что—только?

Ольга Петровна. Не пара я имъ... Придутъ со службы, надо бы поговорить, а я ничего не умѣю, дура-дурой... Лягутъ они на диванъ, а я сяду рядомъ и толкую всякій вздоръ, а они слушаютъ—слушаютъ, улыбнутся, поцѣлуютъ меня и скажутъ: «ахъ ты, бѣдная моя, бѣдная!» и уйдутъ куда-нибудь... Видимо за дурочку меня считаютъ... Да оно и правда—какая же я имъ пара?

Докторъ. Много работаетъ Петръ Ивановичъ?

Ольга Петровна. Служать...

Докторъ. А дома нишетъ, читаетъ?.. Гдѣ его кабинетъ? Покажите мнѣ, дорогая моя...

Ольга Петровна. Кабинетъ?.. Ахъ, это та-

кая комната отдѣльная... Кабинета у нихъ нѣтъ, пишутъ иногда вотъ тутъ, тутъ и читаютъ когда... Вонъ и книги ихнія...

Докторъ (*задумывается*). Опустился Петръ Ивановичъ, опустился... (*Встаетъ и подходитъ къ столу*). Что у него тутъ, поглядимъ... (*разбираетъ книги*). Журналы всеядесять третьяго года, книги, которыя мы еще вмѣстѣ читали... Записки, дневники... И на нихъ тотъ же годъ... Да, здорово его тиснула жизнь!.. Эхъ, бабы, бабы!.. Правда видно, что на погибель онѣ созданы... Не будь бабы, какой бы человѣкъ-то вышелъ изъ Петра—гигантъ!.. Мы бы съ нимъ во всякой деревушкѣ нашего захудалаго уѣзда по школѣ да по больницѣ выстроили, всѣхъ бы кабатчиковъ перевели.... Эхъ, бабы, бабы!..

Ольга Петровна. Да вѣдь за то баба-то часто, господинъ докторъ, и радость приносить вашему брату: поработать-то тогда сладко, когда знаешь, что дома утѣха есть. На работѣ человѣкъ и горя не мало принимаетъ,

обижаютъ его, наперекоръ ему дѣлають; ну, баба-то и утѣшитъ его, и ободрить, и поддержитъ...

Докторъ. Вѣрно, голубушка Ольга Петровна, вѣрно, да только бабъ-то такихъ мало!.. Эхъ, какъ мало!.. Мудреная ужъ очень штука жизнь, Ольга Петровна... Вѣдь такъ бы должно быть, что наука, книга человѣка лучшимъ должна дѣлать, анъ поглядишь, и руками разведешь: изъ ученыхъ-то—жентъ больно мало хорошихъ... Требованія у нихъ что ли шире, потребностей больше, ужъ я не знаю, а только гляжу да удивляюсь, право!..

Явленіе 3.

Докторъ, Ольга Петровна и Сидоръ.

Сидоръ (*входя*) Петръ Ивановичъ идутъ!.. Видно у меня изъ окна-то: на нашу улицу повернули...

Докторъ (*поспѣшно беретъ свой сакъ-вояжъ*). Сидоръ, голубчикъ, унеси мои вещи: сюрпризомъ хочу предстать предъ нимъ, печаянно... Спрячьте меня, Ольга Петровна.

Ольга Петровна. Пойдемте въ мою комнату. И то сюрпризомъ-то лучше: радости больше... *(уходитъ нальво. Нѣсколько времени сцена пуста, потомъ входитъ Коробовъ и, медленно пройдя сцену, садится направо у стола).*

Коробовъ. Тяжело... Отъ мертвечины этой, которая во мнѣ и кругомъ меня, тяжело. Ничего нѣтъ у меня, нищій я, нравственный нищій... Есть и дѣло, и цѣли бы могли быть, но работать не въ силахъ: измать я, растоптанъ, раздавленъ!.. Вотъ цвѣтокъ... Наступи на него, растопчи его и оставь потомъ... Онъ не умретъ, потому что корни цѣлы, онъ связанъ съ жизнью, но онъ ужъ погибъ и нѣтъ ему спасенья... Нѣтъ, надо, надо умирать!.. О, какой отрадный покой предстоитъ въ тихой могилѣ!.. Не дойдетъ туда ничто, ничто не взволнуетъ успокоившагося человека, и все это пошлое, мучительное, горькое, гадкое оставить тебя... И страданій нѣтъ... Да, да, надо умереть!... *(Схватывая себя за голову).* Боже!.. А мой ребенокъ?.. Коля

мой, моя Ольга... Съ ними что будетъ?.. Да развѣ я имѣю право бросить ихъ и, давъ себѣ забвеніе и покой, осудить ихъ на страданія, на сотни невзгодъ?.. Нѣтъ!.. Нѣтъ, нельзя тебѣ умереть, жалкій, ничтожный человѣкъ!.. Живи!.. Тѣшь себя побрякушками, выдумывай призрачное счастіе и—живи!.. Ты хотѣлъ счастія; ты хотѣлъ, чтобъ твою жизнь наполнила любимая тобою женщина,—и не могъ удержать ее; потомъ понадѣялся на свои силы, и не убилъ себя тогда же... Такъ живи, какъ дано тебѣ жить!.. Ты не только лишенъ возможности *жить*—ты лишенъ возможности *умереть*!.. Ахъ, какъ тяжело!!! (*хватается за голову и въ изнеможеніи опускается на стулъ. Въ дверяхъ показываются докторъ и Ольга*).

Явленіе 4.

Коробовъ, докторъ и Ольга Петровна.

Докторъ (*Ольга*). Задумался о чемъ-то...
Подойдите вы къ нему сперва, барынька...

Ольга (*подходя къ Коробову и кладя ему руку на плечо*). Здравствуйте. Петръ Ивановичъ...

Коробовъ. Ахъ, это ты, Оля... Здравствуй, милая... (*снова опускаетъ голову*)...

Ольга. Вы не здоровы, Петръ Ивановичъ или разстроены чѣмъ нибудь?

Коробовъ. Я?... Нѣтъ, я ничего... Иди, Оля, къ себѣ, оставь меня одного... Я хочу подумать кой о чемъ... Иди, милая...

Ольга. А со мною поговорить нельзя? Нельзя подѣлаться мыслями?

Коробовъ. Ахъ, Оля, оставь меня!... Вѣдь надо же понять, что иногда я хочу быть одинъ...

Ольга. Я утѣшу тебя, разговорю... Я вижу, что тебѣ грустно, тяжело...

Коробовъ (*глядя на нее*). Ты?... Нѣтъ, Оля, тебѣ меня не утѣшить и не разговорить!... Ты не сердись на меня, ты добрая, но... Оля, иди, я хочу быть одинъ...

Ольга. А погляди-ко; кто со мной пришелъ-то...

Коробовъ. Кто?... (*Оглядываясь*). Боже!.. Докторъ... Голубчикъ!.. (*Вскакивая и идя на встречу доктору*). Вы ли это, родной мой? (*обнимаетъ и много разъ целуетъ его*).

Докторъ. И я радъ, вотъ какъ радъ!.. Словно сына обнимаю послѣ долгой разлуки!.. Дайте-ка поглядѣть на васъ... Э, какъ однако передернуло-то васъ!.. И похудѣлъ, и постарѣлъ...

Коробовъ. И поглупѣлъ, докторъ... Садитесь, мой родной, садитесь, будемъ говорить. Въ недѣлю не переговоришь всего, что хотѣлось бы сказать!.. Оля, давай-ка намъ чаю, закуски, водки, вина давай!.. Вы не знакомы?.. Это моя милая подруга Оля; прошу любить да жаловать...

Докторъ. Полюбилъ ужъ!.. Съ такой милой подругой да съ такимъ славнымъ сынишкомъ жить бы да радоваться надо, да толстѣть, а ты вонъ желтый да худой... Стыдно, Петръ Ивановичъ, не хвалю я тебя!

Коробовъ. И самъ я себя не хвалю, док-

торь... Я, докторъ, «лишній человѣкъ»... Помните у Тургенева «лишняго человѣка»?.. Вотъ такой и я... Оля, иди, милая, угощай насъ...

Ольга. Сію минуту, готово ужъ почти все (*уходитъ*).

Коробовъ. Ну, какъ вы, любезный докторъ?.. Заграницей были? Учились?.. Жили, чай, полной жизнью?

Докторъ. Не замѣчалъ... Я вѣдь кропотунъ, букашка хлопотливая: засяду за какимъ-нибудь пустякомъ да и сижу; а то такъ рыскаю съ мѣста на мѣсто, покоя не знаю... Ну, да объ этомъ послѣ... Я хочу знать, какъ вы-то тутъ; про себя мнѣ расскажите...

Коробовъ. Живу и я...

Докторъ. Хорошо?

Коробовъ. Живу... День да ночь—сутки прочъ (*опускаетъ голову и молчитъ*). Все прожито, докторъ!.. Все... Прожилъ счастье, прожилъ надежды, силы, вѣрованія... Расточитель я или неудачникъ: весь капиталъ свой растратилъ, и—бѣденъ, абсолютно бѣденъ...

нищій!... Ужъ такъ полна была моя жизнь, столько радостей дала мнѣ, что голова закружилась; а потомъ вдругъ отняла все и исковеркала... Какъ ее?... Вѣры... Да, Вѣрь не стало... Такъ все и пропало... А я-то въ своихъ силахъ былъ такъ увѣренъ... Нѣтъ, докторъ, я человѣкъ, должно быть, совершенно лишенный силъ!

Докторъ. А вотъ мы это увидимъ... Вотъ какъ я примусь вамъ рассказывать, какъ за границей-то школы и больницы поставлены, какъ тамъ жизнь-то сложилась, да какъ выложу передъ вами свои планы, свои намѣренія—вы и вострепечетесь, и запросите работы!

Коробовъ. Нѣтъ докторъ: силъ во мнѣ нѣтъ!.. Говорю я вамъ: силъ во мнѣ нѣтъ!.. Я вѣдь, докторъ, человѣкъ дюжинный, я вѣдь не герой, я не могу стать выше обстоятельствъ... Обстоятельства мои сложились такъ, что мое личное счастье разрушено; ну, я и опустилъ руки!.. (*Вставая*). Вотъ если бы мнѣ дали возможность жить своимъ личнымъ счастьемъ—

и бы работать могъ... У меня есть рвеніе, есть, быть можетъ, умъ, были цѣли, и я могъ бы работать, я могъ бы быть полезнымъ, но... я не герой, докторъ, теперь я ни на что не способенъ... (*садится и опускаетъ голову*).

Докторъ. А твоя новая семья... А эта твоя подруга... Не лучше ли она той? Не лучше ли вообще этихъ выпреннихъ-то?.. Она не знаетъ многого такого, что знаютъ тѣ, да сердце у ней лучше, душа полнѣй и она *можетъ* быть подругой... Ты найди въ ней силы, подыми ее до себя и рука объ руку работай... Ты долженъ любить жизнь, потому ужъ, что у тебя семья!..

Явленіе 5.

Коробовъ, докторъ и Ольга Петровна.

Ольга. (*входя*). Пожалуйста въ столовую: все готово...

Коробовъ (*доктору*). Это семья?... Семья для того, чтобы накормить меня?

Докторъ. Да хоть бы для того!.. Она вотъ

тебя кормить, сына твоего кормить, а ты корми ее... Вотъ такая пригожая, милая да ласковая—чудо!

(Ольга Петровна улыбается и тихо подходит къ Коробову).

Ольга. Такая ли имъ нужна! Я и въ кухарки-то не гожусь къ нимъ.

Коробовъ. Не правда, Оля, не правда, милая: ты славная у меня *(обнимаетъ ее за талию и цѣлуетъ нѣсколько разъ. За сценой слышится шумъ отъ поспѣшныхъ шаговъ. Коробовъ, не выпуская изъ объятий Олю, оглядывается. Быстро входитъ Вѣра).*

Явленіе 6.

Тѣ же и Вѣра.

Коробовъ. } Вѣра!..

Докторъ. } Вѣра Николаевна!..

Вѣра *(стремительно войдя и потомъ отступивъ къ двери).* Да, это я... *(смотритъ на Олю, которая стоитъ пораженная).* Поздно пришла... Прощайте... Извините... Я... я

уйду, я... (*опускается на стулъ около дверей и рыдаетъ*).

Коробовъ (*быстро подходя къ ней; беретъ ее за руку*). Не плачьте, успокойтесь... Боже мой, что съ вами? Какъ вы попали сюда?... Докторъ, Оля, дайте скорѣе воды!...

Вѣра (*вставая*). Не надо, не надо, пройдетъ.. Прошло уже.. Простите меня, Петръ Ивановичъ, что я рѣшилась придти сюда... Я не знала... Я сама не помню, какъ я попала къ вамъ (*оглядывается, потомъ снова смотритъ на Олю*). Я не рѣшилась бы... Вы не одни; мнѣ не мѣсто тутъ... прощайте...

Коробовъ (*беретъ ее за руку и усаживаетъ на кресло*). Оставайтесь... Вы у друзей, и если вы несчастливы, если вы нѣждаетесь въ защитѣ, вы хорошо сдѣлали, что пришли сюда... Это моя новая подруга, но она знаетъ, что вы... все еще живете во мнѣ... Быть можетъ, она завидуетъ вамъ, но она васъ не презираетъ... Оля, это моя жена; ты не должна ничего имѣть противъ нея, особенно когда

она несчастна и, быть может, пришла сюда за помощью...

Ольга. Да, да, конечно... Онъ ваша законная супруга, онъ у себя здѣсь, а я... я уйду... Мое тутъ все кончено... все прошло... *(едва сдерживая рыданія, идетъ къ боковой двери. Вѣра останавливаетъ ее).*

Вѣра. Нѣтъ, не я должна быть здѣсь, а вы... Я тутъ гостя... Если жена разъ ушла—она не должна возвращаться... Живете тутъ, любите Петра Ивановича, будьте счастливы, а я... Я ужъ буду одна... Прощайте... *(быстро идетъ. Коробовъ останавливаетъ ее у самыхъ дверей).*

Коробовъ. Останься, Вѣра!.. Вѣдь я все еще, все еще люблю тебя!.. Дорогая моя, хорошая, милая!..

Вѣра. А она? *(указываетъ на Ольгу).*

Коробовъ. Да, ее я не долженъ бросать... Боже, какъ это тяжело, какъ страшно!.. Но куда, куда ты пойдешь?!.. Онъ прогналъ тебя?

Вѣра. И прогналъ, и оскорбилъ!.. Но не думай объ этомъ, забудь меня... Будь счастливъ вотъ съ нею; свей свое новое гнѣздо, иди своимъ путемъ безъ меня....

Коробовъ. А ты?

Вѣра. А я?.. Я безъ дороги... Не знаю, куда я пойду, но тутъ мнѣ не мѣсто... Прощай!.. Прощай!.. (*выбѣгаетъ*).

Коробовъ. Вѣра!.. Вѣра!.. (*падаетъ на колѣни около стула и склоняетъ на него голову. Докторъ съ авансцены; а Ольга отъ своей двери тихо идутъ къ нему*).

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе 4.

Поляна въ лѣсу. Прямо вѣется дорога. Вдали видъ городского предмѣстья.

Явленіе 1.

При поднятіи занавѣса, докторъ сидитъ на пнѣ и куритъ сигару; около него на землѣ ящики съ пистолетами. Шнуровскій и Блесткинъ быстро входятъ на поляну; у Шнуровскаго тоже ящикъ.

Докторъ, Шнуровскій и Блесткинъ.

Шнуровскій. А, вы ужъ здѣсь, докторъ!..
Здравствуйте... Блесткинъ, слѣдуетъ подать
руку секунданту противника нашего кліента?

Блесткинъ. По правиламъ—нѣтъ... Какъ
это тебѣ не стыдно не знать этого?.. Отдай
вѣжливый поклонъ издали и—только...

Шнуровскій. Спасибо, mon cher... (*Снимая
шляпу*). Имѣю честь кланяться.
(*Докторъ молча киваетъ головой*).

Шнуровскій. Послушай, Блесткинъ, а мож-
но спросить его, гдѣ Коробовъ?

Блесткинъ. Гмъ... Не знаю, ловко ли... А
впрочемъ спроси.

Шнуровскій. Противника нашего кліента еще
нѣтъ, докторъ?

Докторъ. Отвяжитесь вы отъ меня Бога ра-
ди... Тутъ люди хотятъ перестрѣлять другъ
друга, какъ бѣшеныхъ собакъ, а они актер-
ствуютъ, роли какія-то разыгрываютъ, и видъ
такой довольный, словно на пикникъ при-
ѣхали...

Шнуровскій. Но однако...

Блесткинъ. Мы вправѣ требовать отъ секунданта отвѣтовъ на наши вопросы, касающіеся дуели:...

Шнуровскій. Да, да, конечно!

Докторъ. Ничего я не знаю и знать не хочу!... Ужъ если людямъ пришла охота стрѣляться, такъ пусть они продѣлаютъ это безъ глупѣйшихъ формальностей. Вы, пожалуйста, смотрите на меня, какъ на доктора, призваннаго слѣдить за двумя сумасшедшими и, въ случаѣ надобности, обязаннаго подать помощь...

Шнуровскій. Но однако...

Блесткинъ. Въ такомъ случаѣ кто же будетъ секундантомъ monsieur Коробова?...

Докторъ. Отвяжитесь!.. Бога ради отвяжитесь, а то я уйду отъ васъ!..

(Шнуровскій и Блесткинъ пожимаютъ плечами и отходятъ налѣво).

Шнуровскій. Это не дуэль, а чертъ знаетъ что!.. Я ничего подобного не видывалъ!..

Блесткинъ. Бываль ли ты еще на дуэляхъ-то?

Шнуровскій. Положимъ—нѣтъ, но все же...
Читаль, знаешь, описанія...

Блесткинъ. А я вотъ бываль.

Шнуровскій. Дрался?

Блесткинъ. Нѣтъ, секундантомъ былъ; въ
Тифлисѣ это было.

Шнуровскій. Ну, и что же, долго говорили о дуэли? Сдѣлался ты героемъ дня?

Блесткинъ. О, еще бы! Недѣли двѣ мучили барышни подробностями. Приѣдешь къ знакомымъ, и сію же минуту овладѣешь вниманіемъ всего общества, рассказываешь, рисуешь картины, ну, прибавишь, конечно, не мало...

Шнуровскій. Да?... А это, я тебѣ скажу, превесело, право. Самому выходить на дуэль опасно, — могутъ ранить, убить, а тутъ — безъ риска... и сколько удовольствія!.. Ты знаешь, Зипайда Кольговская ужасно любитъ героевъ... Я воспользуюсь этимъ случаемъ... Тс! кто-то подѣхалъ, кажется... (*смотритъ по доросѣ*). Это Яловицкій... Идетъ сюда...

Явленіе 2.

Тѣже и Яловицкій.

(Яловицкій быстро осматриваетъ поляну и, видимо взволнованный, идетъ къ Шнуровскому и Блесткину, поклонившись доктору на ходу).

Яловицкій. Здравствуйте, господа... (здоровается съ секундантами). Коробова нѣтъ еще?

Шнуровскій. Еще нѣтъ... А вы однако блѣдны.

Блесткинъ. Да, и очень... Помните, Печоринъ въ Нарзанѣ купался передъ дуэлью. Это помогаетъ...

Яловицкій. Да, но вѣдь здѣсь Нарзана нѣтъ...

Шнуровскій. Вы бы выпили парнаго молока; это успокаиваетъ.

Яловицкій (громко). Я нисколько, господа, и не взволнованъ... Все это пустяки, все это суета суетъ!.. Я блѣднѣю немного, но представьте, какую баронесса сдѣлала мнѣ сцену: она рыдала, умоляла меня не стрѣляться,

обнимала мои колѣни!.. Ужасно нервная женщина и до безумія любить меня!.. (*Къ доктору*). Однако, любезный докторъ, мой противникъ не изъ торопливыхъ: пора бы ему пріѣхать...

Докторъ. Успоѣте еще умереть, monsieur Яловицкій!.. Вѣдь у Петра Ивановича дѣлѣ-то побольше вашего: на всякій случай нужно и приготовиться. Зная свой нравъ, онъ увѣренъ, что оба-то живыми отсюда не уйдутъ, такъ во всякомъ случаѣ въ дорогу надо собраться: или *ad patres*, или подъ арестъ... (*Смотритъ въ лѣсъ*). Да вонъ онъ и пріѣхалъ... Верхомъ... Лошадь вашему кучеру отдаетъ...

Яловицкій (*быстро беретъ секундантовъ подъ руки*). Пойдемте, господа!.. Я передамъ вамъ условія... А правду, надо выпить чего-нибудь, коньяку что ли... У меня тамъ есть въ коляскѣ запасъ... А то я страшно взволнованъ... Это все баронесса виновата! (*уходитъ съ секундантами*).

Явленіе 3.

Докторъ и Коробовъ.

Коробовъ. Здравствуйте, докторъ, голубчикъ! (*береть доктора за руку, тотъ отворачивается*). Что съ вами, докторъ?.. Боже мой, вы плачете?.. Вамъ жаль меня, докторъ?

Докторъ. Жаль, прямо скажу, что жаль!.. Въ кои-то вѣки нашелся порядочный человекъ, въ кои-то вѣки работникъ полезный нашелся, да и тотъ нодѣ пулю какого-то шалопая лобъ подставляетъ!.. Свыкся, привязался, а тутъ вотъ какая штука: или убьютъ, или за убійство ушлютъ куда нибудь... Эхъ, Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ!..

Коробовъ. Полно вамъ, докторъ; все это выѣденнаго яйца нестоитъ!.. Убьютъ—однимъ человекѣмъ меньше, да и человекѣку тому не хуже, а лучше ихняго, потому что очень ужъ жизнь-то подла; а сошлютъ—и тамъ солнце свѣтитъ, и люди живутъ... Можетъ быть, съ перемѣною людей да на новыхъ мѣстахъ и жизнь-то лучше будетъ...

Докторъ. Говорите тутъ, утѣшайте стараго дурака!.. И нужно было дуэль заводить!.. Глупость-то какая, глупость-то какая, Господи!..

Коробовъ. Нужно, докторъ... Это не месть, не кровавая расплата за обиду, — отъ мести я бы пожалуй и отказался; это — мѣра спасти репутацію обожаемой мною женщины...

Докторъ. Вѣры Николаевны?

Коробовъ. Да... Я все еще люблю ее, докторъ, и теперь даже больше, чѣмъ когда-либо... Она мнѣ дорога, страшно дорога!..

Докторъ. Ну, такъ и любите; кто вамъ мѣшаетъ? Сойдитесь съ ней, попытайтесь создать счастье... Убійство-то къ чему же?

Коробовъ. Ахъ, докторъ, докторъ, вы мало знаете свѣтъ! Вѣдь у насъ, если женщина пошатнулась, всякій поровить столкнуть ее совсѣмъ въ омутъ, забросать грязью, измучить открытымъ презрѣніемъ, до сердца донять!.. Она бросила мужа, она была любовницей этого кумира барынь, и любовникъ ее

бросилъ; что же ждетъ ее? Вы знаете впечатлительную натуру Вѣры: она не вынесетъ презрѣнія, этого мелкаго, но больно жгущаго презрѣнія всѣхъ окружающихъ... Если же я разыграю эту свѣтскую комедію—я подыму ее въ глазахъ общества... Глупо это, дорогой мой докторъ; но что же дѣлать? Послѣ этой дуэли, глупой въ принципѣ, но необходимой иногда въ силу общественнаго мнѣнія, ужъ никто не осмѣлится оскорбить Вѣру: всѣ эти маріонетки увидятъ, что я ставлю ее высоко и люблю...

Докторъ. А уѣхать отсюда?.. Другое общество,—вдали... Тамъ васъ примутъ не скомпрометированныхъ этой исторіей...

Коробовъ. А дѣло мое?.. Вѣдь мы съ вами вмѣстѣ создали эти школы, кассы, работали въ земствѣ... Вѣдь каждый уголокъ тутъ кругомъ нашими трудами вычищенъ да выскобленъ!... Цвѣсти вѣдь все начало, любо глядѣть... Нива наша тутъ... О, какъ жалко бросить ее!.. Жилось, любилося, счастье было

близко!.. Легко сказать—счастье! Вѣдь изъ-за счастья-то люди вѣка бьются, потому что изъ-за него и живутъ-то... И вотъ врывается къ тебѣ паразитъ и начинаетъ подтачивать... Паразиты, гадкіе, отвратительные паразиты тѣ, которые врываются въ семью и разрушаютъ ее въ самомъ корнѣ!.. Гнѣздо разорено, жизнь разбита... А паразитъ идетъ дальше—и въ другомъ мѣстѣ пожираетъ счастье, какъ земляной жукъ корни хлѣба!.. Они женщину еще ребенкомъ развращаютъ, и она вступаетъ въ жизнь уже съ легкими взглядами и на семью, и на дѣло...

Докторъ. Любовнымъ зельемъ отравляютъ нашихъ женщинъ, вотъ что!..

Коробовъ. Да, именно любовное зелье... И вотъ одного изъ этихъ-то отравителей сегодня и приходится поставить передъ дуломъ пистолета... Въ этомъ своего рода наслажденіе!..

(Входятъ Яловницкій, Шнуровскій и Блесткинъ).

Явленіе 4.

Тѣ же, Яловицкій, Шнуровскій и Блесткинъ.

Коробовъ. Вотъ онъ!.. О, какая страшная ненависть у меня къ нему!.. Я сказалъ вамъ, что мною руководить не мсть—солгалъ я вамъ: съ наслажденіемъ я убилъ бы его!.. Идите, условьтесь... Если меня убьютъ—въ карманѣ найдете бумаги, тамъ все объяснено... (*отходитъ въ сторону, докторъ идетъ на встрѣчу Шнуровскому и Блесткину*).

Докторъ. Приступайте что ли!.. Условія знаете? Надвѣнадцатъ шаговъ; стрѣлять тому... вашему... Если оба промахнутся, то есть, если послѣ первыхъ выстрѣловъ не произойдетъ убійства—по два шага впередъ... Барьеръ тамъ какой-то... Эхъ!.. (*хватаетъ себя за голову и идетъ за пистолетами*).

Шнуровскій. Господинъ секунданта, согласно заявленію нашего кліента, который имѣлъ честь...

Яловицкій. *(кричитъ издали).* Не ломайтесь, Шнуровскій: говорите по-человѣчески!

Шнуровскій. Валерьянъ Григорьевичъ заявляетъ, что онъ готовъ кончить дѣло миромъ, если господину Коробову угодно будетъ...

Коробовъ. Господину Коробову ничего не угодно: онъ желаетъ только скорѣе приступить къ дѣлу!.. Потрудитесь зарядить пистолеты и отмѣрить шаги...

Яловицкій *(порывисто сбрасывая пальто и идя къ авансценѣ).* Вы въ достаточной стѣпени кровожадны, господинъ Коробовъ!.. Что жъ, я готовъ... я готовъ... Убивайте меня!.. *(Докторъ отмѣриваетъ шаги и подаетъ пистолетъ Коробову; Блесткинъ и Шнуровскій ставятъ барьеръ, подаютъ пистолетъ Яловицкому и отходятъ въ сторону. Слышенъ стукъ подъѣхавшаго экипажа. Быстро въбѣгаетъ Вѣра).*

Явленіе 5.

Тѣ же и Вѣра.

Вѣра. Слава Богу—еще не поздно!.. (*Вырываетъ пистолетъ у Коробова*). Нѣтъ, нѣтъ, ты не долженъ стрѣляться!.. Рисковать жизнью... Изъ-за кого же? Изъ-за женщины, которая разбила ужь ее? Изъ за развратной жены? Изъ-за полу-камельи?.. О, нѣтъ, нѣтъ!.. Твоя жизнь не такъ ничтожна: она нужна многимъ...

Коробовъ. Вѣра, Вѣра, зачѣмъ ты здѣсь?.. Оставь насъ... Мы оба не стоимъ тебя, и одинъ изъ насъ долженъ смыть своею кровью твой позоръ, смыть пятно, которое по нашей винѣ легло на тебя. Безъ этого акта, возведеннаго на степень закона людскими предразсудками, всю жизнь будетъ давить тебя людское презрѣніе; а тебѣ ли, хорошей, доброй, любящей, страдать за ошибки людей?.. Уйди, оставь насъ!.. Еще, быть можетъ, тебя ждетъ впереди счастье...

Вѣра. Меня?.. О, нѣтъ, дорогой мой!.. Ты

слишкомъ снисходителенъ... Я строже тебя... Да и пора, пора быть строгимъ къ себѣ... Вѣдь я отравила тебѣ всю жизнь, я... И тебѣ, и себѣ... Кто виновать, что я, что многія мнѣ подобныя вышли такими—я не знаю, но я знаю, что жить мнѣ нельзя...

Корововъ. Вѣра!..

Вѣра. Ахъ, нѣтъ, оставь, дай мнѣ сказать... Да, да, голубчикъ, мнѣ жить нельзя... Зачѣмъ?.. Зачѣмъ я буду жить? Тебѣ я не нужна, ему тоже, семьи у меня нѣтъ... У такихъ женщинъ не бываетъ семьи, и слава Богу!.. О, Боже! если бъ я еще была и мать!.. Я все искала чего-то, рвалась; я не знала, чего мнѣ надо, и гибла, губила другихъ... Петя, Петя, ты уменъ, ты честенъ, ты хочешь работать для блага людей—указать ли тебѣ, что ты долженъ для нихъ дѣлать? Воспитывай хорошихъ женъ, матерей, а я... я... *(быстро отойдя, взводитъ курокъ, стрѣляетъ себѣ въ бокъ и падаетъ съ глухимъ стономъ. Всѣ бросаются къ ней).*

Коробовъ (*съ бѣшенствомъ отталкивая Яловицкаго*). Прочь отъ нея, прочь!... Вотъ куда привелъ ты ее, бездушный, безсердечный злодѣй!.. (*Падая на трунъ Вѣры*). Вѣра, Вѣра, а какого полного счастья ты была достойна, бѣдная!.. (*Докторъ отходитъ отъ трупа съ рыданіемъ. Яловицкій медленно идетъ въ глубину сцены*).

К о н е ц ъ

А. Пазухинъ.

